

САКАРИАС ТОПЕЛИУС И ЕГО СКАЗОЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Людмила Брауде

Сакариас Топелиус — виднейший сказочник XIX века, жил в Финляндии и писал свои произведения на шведском языке. Это последнее обстоятельство, а также общность политического и культурного развития Финляндии и Швеции XIX века позволяют рассматривать Топелиуса как финляндского, т. е. не только как финского, но и как шведского писателя. До 1809 г. Финляндия входила в состав Швеции. В Гельсингфорском университете читали лекции шведские профессора и учились шведские студенты. Шведский язык — второй государственный язык Финляндии — был языком литературы, языком школ и университета. Только в XIX в. в Финляндии в связи с ростом национального самосознания началась активная борьба за утверждение прав финского языка и финской литературы. Многие писатели Финляндии создавали свои произведения на шведском языке, получая возможность печататься одновременно и в Швеции, и в Финляндии и быть вскоре переведенными на норвежский и датский языки благодаря сходству с ними шведского. Имена таких писателей прочно вошли в историю шведской литературы. И даже в XX в. создаваемая в Финляндии литература на шведском языке считается по традиции ответвлением шведской. Что же касается литературы более старой, — рассуждает шведский литературовед Гуннар Брандель, — «то подобное суждение, само собой разумеется, справедливо: нельзя привести ни единого довода, по которому творчество Чельгрена либо Францена, Рунеберга либо Топелиуса следовало бы исключить из шведской литературы. Оно считалось шведским и писателями, и читателями и функционировало в тех же условиях, что и творчество Тегнера или Снойильского»¹.

Из всех финляндских писателей Топелиус был наиболее известен и любим в Швеции. Кем был для шведов Топелиус в XIX в., дает представление рассказ его младшей современницы и поклонницы, знаменитой шведской писательницы Сельмы Лагерлёф: «Многие из тех шведов, которые родились в минувшем веке и в какой-то мере участвовали в его жизни, наверняка, еще сохранили в памяти, как Топелиус в те времена занимал в нашей стране положение великой державы от литературы. Мы пом-

¹ G. Brandell. Svensk litteratur 1900—1950, Stockh., 1967, с. 409.

ним, как нечто само собой разумеющееся, что имя его знали и богачи и бедняки, и стар и млад. Причем знали не просто как имя человека, свершившего некое полезное деяние, а так, что всякому это имя рисовалось в ореоле его самых любимых и приятных воспоминаний»². В других скандинавских странах книги Топелиуса также вошли в сферу читательских интересов конца XIX—начала XX веков. «Когда я была ребенком,— вспоминает известная норвежская писательница Синкен Хопп,— я читала Топелиуса и любила его до такой степени, что до сих пор помню каждую его книгу и каждую его сказку. Но,— нерешительно добавляет Хопп,— сейчас я — дама 63 лет и не знаю, читает ли его современная молодежь»³. Писательница сомневается, не устарели ли сегодня произведения Топелиуса и, в частности, его сказки. Нет, не устарели, но если в XIX в. внимание читателей приковывали лирические стихотворения, драмы и беллетризованные исторические сочинения Топелиуса, то теперь центр притяжения перенесен на его отмеченные чертами сказочности «Рассказы фельдшера» и «Сказки»⁴. Это засвидетельствовано отдельными литературоведами, писателями и критиками. Так, шведский литературовед Е. Н. Тигерstedт пишет, что своими «Рассказами фельдшера» (1835—1867) Топелиус «создал то произведение, которое и теперь продолжает дарить радость читателей среди молодежи, точно так же, как его сказки, сказочные пьесы и нравоучения в «Детском чтении» (1865—1869) сделали его сказочником всего Севера»⁵. Одна из крупнейших детских писательниц современности Астрид Линдгрэн также отмечает, что «сказки Топелиуса удивительно хорошо удержались»⁶. Критики Грета Булин, Ева фон Цвейгберк и Мэри Эрвиг считают, что «Швеция может радоваться той высококвалифицированной продукции, которая существует у нас в области литературной сказки. У нас есть Сакарнас Топелиус, который поражает своей гениальной наивностью, свежестью, находчивостью, солнечностью и глубокой взаимосвязью со скупой северной природой»⁷.

В современных условиях сказки Топелиуса приобретают большое воспитательное значение и потому, что «чтение большого количества сказок составляет одну из основ общего образования», и потому, что сейчас, когда потоки низкопробной литературы, серии детективов, комиксов, бестселлеров и банальностей наводнили Швецию, детям, по мнению прогрессивных педагогов и критиков, «необходимо как можно раньше вступить

² S. Lagerlöf. Zachris Topelius. Stockh., 1920, с. 355.

³ Синкен Хопп. Письмо к Л. Брауде от 22 апреля 1968 года.

⁴ Шведская критика еще раньше отмечала, что мастерство Топелиуса-сказочника не знает равного ему в Швеции. См. N. P. Topelius Zacharias, Svenskt litteratur lexicon, с. 534.

⁵ Е. Н. Tigerstedt. Svensk Litteraturhistoria. Stockh., 1960, с. 360.

⁶ А. Линдгрэн. Письмо к Л. Брауде (май 1968), с. 1.

⁷ G. Bolin, E. von Zweigbergk, M. Ørvig. Barn och böcker. Uddevalla, 1966, с. 44.

в контакт с превосходнейшими творениями искусства из сокровищницы культуры. Содержательный отбор из «Детского чтения» Топелиуса, разумный отбор из «Сказок» Х. К. Андерсена принадлежат к тому списку произведений, которые абсолютно необходимо прочитать до 10-летнего возраста⁸. Многие критики, которые жалуются на то, что в Швеции до самого конца 1950 г. не переиздавались старые сказки — ни народные, ни литературные⁹, приводят тем не менее списки сборников сказок Топелиуса, которые публикуются там в настоящее время¹⁰. И не только в Швеции, но и в других странах. По данным шведских библиографов, произведения Топелиуса, особенно его сказки и сказочные пьесы, издаются сейчас в переводах на английский, датский, немецкий, французский, финский, голландский, польский и русский языки¹¹. «Как сказочник он не достиг такой мировой славы, как Андерсен, но его сказки переведены на двадцать языков, а некоторые из них — «Принцесса Линдагульт», «Жемчужина Адалмины», «Березка и звезда», «Сампо-Лопаренок» вошли в мировую литературу для детей»¹², — пишет один из биографов Топелиуса.

Однако изучение сказочного творчества этого писателя обратило пропорционально его популярности сказочника. Существует единственная работа финской исследовательницы Каарины Лаурент «Топелиус как сказочник». Отдельные главы и страницы посвящают его сказкам авторы лучших биографий Топелиуса — Элиель Вест, Сельма Лагерлёф и Вальфрид Васениус¹³. На русском же языке почти нет даже элементарных биографических сведений о Топелиусе, не говоря об анализе всего его творчества и, в частности, сказочного.

В настоящей работе мы пытаемся осветить в общих чертах жизненный и творческий путь Топелиуса, связанный в той или иной степени со сказкой. При этом основное внимание уделяется произведениям сказочного жанра. Цель работы — ориентация и введение в круг вопросов и проблем, связанных со сказочным творчеством Топелиуса. Проблемы стиля и языка этого писателя в настоящей статье не затрагиваются.

⁸ G. Bolin, E. von Zweigbergk. Barn och böcker. Femte omarbetade upplaga. Stockh., 1961, c. 55.

⁹ «Возможно, что причины этого следует искать в бесконечных спорах по поводу пригодности или непригодности сказок для детского чтения», — пишут критики. См. L. Larson och M. Ørvig. Children's books in Sweden. 1945—1965. Stockh., 1966, c. 7.

¹⁰ Z. Topelius. Prinsessan Lindagull och andra sagor. Stockh., 1953; Sampo Lapell och andra berättelser ur „Läsning för barn“. Stockh., 1959; Den röda stugan och andra lekar och sagospel ur „Läsning för barn“. Stockh., 1962; Valters Äventyr och andra berättelser ur „Läsning för barn“. Stockh., 1967; G. Bolin, E. von Zweigbergk, M. Ørvig. Barn och böcker, c. 44; L. Larson och M. Ørvig. Children's Book in Sweden, 1945—1965, c. 35—36.

¹¹ G. Bolin, E. von Zweigbergk, M. Ørvig. Barn och böcker, c. 42—43.

¹² N. P. Topelius Zacharias. Svenskt litteraturllexikon, c. 534.

¹³ K. Laurent. Topelius saturunolijana. Helsinki, 1947; E. West. Zachris Topelius. Helsingfors. 1905; S. Lagerlöf. Zachris Topelius. Stockh., 1920; V. Wasenius. Zacharias Topelius. I—VI. Helsingfors, 1912—1930.

Сакариас Топелиус родился 14 января 1818 г. в усадьбе Куднэс, близ Ньюкарлебу, в семье врача Сакариаса Топелиуса-Старшего (1781—1831). С детства будущий сказочник был связан с финско-шведской фольклорной традицией. Его отец происходил из старинного крестьянского рода, жившего в усадьбе Топила близ устья реки Улео. С 1799 г. Сакариас Топелиус-Старший посвятил себя медицине. Будучи врачом в Северном Эстерботтене, он распространял вакцину среди финских крестьян, изучая одновременно их обычаи, язык и религиозные представления. Сакариас Топелиус-Старший записал множество образцов народного творчества, в особенности рун Эстерботтена, а также карельских крестьян Архангельской области, когда им случалось с коробом за спиной забредать в Эстерботтен. «Благодаря коробейникам, распевавшим на чужбине карельские руны,— пишет советский ученый А. С. Жербин,— финские ученые открыли Карелию как сокровищницу эпической народной поэзии, лучшие образцы которой легли в основу карело-финского эпоса «Калевала»¹⁴. В 1822 г. Топелиус-Старший издал пять выпусков «Древние руны финского народа, вместе с новыми песнями». В предисловии к ним он писал: «Единственные воспоминания, которые сохранились у нас от образа жизни и мыслей, стремлений и обычаев наших предков,— это их песни или руны. К великому вреду для финского народа большая часть этих рун все-таки уже утрачена и подобная же судьба угрожает тем, которые еще сохранились». Задачу свою и всех, кто работает на поприще просвещения финского народа, Топелиус-Старший видел в том, чтобы «попытаться спасти великолепные руны наших предков от их неизбежной, в противном случае, гибели». Как собиратель рун Сакариас Топелиус-Старший был, по словам Элиеля Веста, «первым настоящим пролагателем путей, предшественником Элиаса Лёнрота». Вальфрид Васениус также считает, что труды Топелиуса-Старшего были «путеводной звездой» для Лёнрота, опубликовавшего эпос «Калевала». Сам же Лёнрот называл Топелиуса-Старшего своим предшественником, а эпос «Калевала» — плодом «тех поездок и сборников, которые подготовил своими сборниками Топелиус, ориентировав исследователей на богатейшую страну рун»¹⁵.

Фольклорные интересы отца оказали влияние на сына. Во многих письмах и дневниках Топелиуса-Младшего говорится о «папиных рунах». В автобиографических заметках сказочник писал, что до сих пор помнит стариков-коробейников, которые «пели отцу свои удивительные

¹⁴ См. А. С. Жербин. Карельские коробейники в Финляндии. Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971, с. 95—96.

¹⁵ Цит. по кн.: V. Wasenius. Zacharias Topelius. Vol. I, с. 228—229; E. West. Zachris Topelius, с. 3.

руны». В стихотворном предисловии к первому выпуску сказок Топелиус вспомнил в 1847 г. и некую старушку времен детства. Она рассказывала ему и его товарищам сказки, «А мы, малыши, мы как зачарованные внимали ее чудесным сказкам, подобно тому, как цветок в лесу внимает шелесту темных елей»¹⁶. Сказочный репертуар старушки, видимо, походил на тот, который Топелиус воспроизвел в сказке «Воздушный замок», где старая Кайса рассказывала детям «о принцессах и заколдованных замках, о розариях и райских кущах. Она рассказывала о замке фей, сверкающем серебром и золотом, о синих горах, где гнездятся золотые фазаны»¹⁷.

Топелиус рано обратился к самостоятельному творчеству, тем более, что одним из девизов его отца были слова: «настоящий человек должен жить с пером в руке»¹⁸. Мальчик вел дневник и сочинял рассказы и сказки подобно герою его более поздней сказки в стихах «Перо Радигундис», который еще в детстве нашел белоснежное перо, выпавшее из крыла легендарной княгини лебедей Радигундис. И сказки, «прекрасные как день»¹⁹, полились из-под этого пера. Одна из сказок мальчика-Топелиуса «Дракон» была позднее опубликована.

Однако не только фольклор формировал художественные вкусы будущего сказочника. Еще в детстве он увлекался стихотворениями шведского поэта-романтика Франца Микаэля Францена (1772—1840). В школе в Улеборге, куда поступил 12-летний Топелиус, к этому увлечению присоединилась любовь к финскому поэту Йохану Людвигу Рунебергу (1804—1877), который после окончания Сакариасом школы, в 1832 г., стал его наставником. Рано проснулся в мальчике и интерес к истории. Хотя в студенческие годы (с 1833) Топелиус изучал медицину и собирался стать пастором, получил степень магистра (1840) и доктора философии (1847), он стал в 1852 г. преподавателем истории в гимназии, в 1854 г. профессором истории Финляндии, а в 1869 г. профессором истории Финляндии, России и Северных стран. Общественные взгляды Топелиуса-историка, а позднее и литератора диктовались глубоким патриотизмом, любовью к фольклору и к родной стране. Несмотря на некоторый национализм и религиозные настроения, писатель постоянно выступал с позиций прогресса, за свободу народа, отстаивал права человеческого разума.

Разнообразные интересы Топелиуса отразились в его литературном творчестве. Он был поэтом-романтиком и автором нескольких сборников романтических стихотворений: «Цветы вереска» (1845—1854), «Новые

¹⁶ Цит. по кн.: V. Wasenius. Zacharias Topelius, с. 229; Z. Topelius. Självbiografiska anteckningar. Helsingfors, 1922, с. 22; Z. Topelius. Sagor. Första samlingen. Helsingfors, 1860, s. II.

¹⁷ Z. Topelius. Sagor. Fjerde samlingen. Helsingfors, 1852, с. 113.

¹⁸ E. West. Zachris Topelius, с. 11.

¹⁹ Z. Topelius. Sagor. Tredje samlingen. Helsingfors, 1849, с. 51.

страницы» (1870), «Вереск» (1889), отмеченных глубокой лиричностью, тонким пониманием природы, патриотизмом, ярким национальным чувством. В этих стихотворениях сказались заботы, радости, надежды простых людей Финляндии. Интерес к фольклору и к истории писатель перенес на литературу. Он выступал с произведениями, представляющими смесь истории, фольклорных элементов, романтики и мистики. Наиболее значительные среди них: «Старый барон из Раутакуле» (1849) и «Герцогиня Финляндии» (1850), «Зимние вечера» (1880—1881) и «Под покровительством планет» (1889)²⁰.

Самое популярное среди исторических произведений Топелиуса — книга для подростков «Рассказы фельдшера» (1851—1866), в которой писатель дал романтическое описание истории Швеции и Финляндии. (В 1854 г. по одному из этих рассказов он создал историческую драму «Регина фон Эммеритц».) Значение книги «Рассказы фельдшера», в которой под пером автора ожила история, чрезвычайно велико. Она способствовала популяризации истории Финляндии и Швеции и пробудила к ней интерес среди молодежи²¹. «То был 1871 год, когда «Рассказы фельдшера» впервые попали в мой дом,— писала Сельма Лагерлёф.— Мне было тогда тринадцать лет и об истории Швеции я знала немногим более того, что почерпнула в очень тощем учебнике истории. И вот я впервые услышала об истории своего народа так, что поняла: это великая и славная история, отмеченная деяниями даровитых мужей, тяжкими лишениями и блистательными подвигами. Тогда впервые научилась я понимать, что шведы были народом отважных искателей приключений и великих деятелей...

Мы были достаточно искушены в мире поэзии, но разве доводилось нам прежде читать такую книгу, как эта? Никогда прежде не доводилось нам так страстно мечтать о том, чтобы скорее наступил вечер, никогда прежде восхищаться кем-либо так, как Густавом-Адольфом, ненавидеть кого-либо так, как патера Иеронима, и бредить кем-либо так, как божественной Региной»²². «Рассказы фельдшера» — серия романов из пяти циклов (предполагаемый шестой цикл так и не был завершен). Наиболее интересен, на наш взгляд, первый цикл, состоящий из трех романов — «Королевский перстень», «Меч и плуг», «Огонь и вода». Причем построен он, как и все остальные, — традиционно. Каждый исторический роман обрамлен современной новеллой. Ее герой — бывалый фельдшер, участ-

²⁰ Позднее издавалось под названием «Королевские дети звезд».

²¹ Для нее Топелиус создал также «Книгу природы» (1856) и «Книгу о нашей стране» (1875), где доступно и популярно рассказал о Финляндии. Последнее произведение послужило прототипом для Лагерлёф, когда она писала свою книгу для чтения, ставшую поэтическим путеводителем по Швеции «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона с дикими гусями по Швеции» (1906—1907).

²² S. Lagerlöf. Zachris Topelius, c. 316—317.

ник военных походов рассказывает не о своих ратных подвигах, а о событиях исторических, почерпнутых им из старинных хроник и рассказов очевидцев. А добродушные люди, далекие от войн — родственники, соседи и знакомые, составляющие почти мещанское окружение фельдшера, с удовольствием слушают его рассказы, ибо чуть ли не вся история Финляндии и Швеции предстает в этих повествованиях. «Топелиус глубоко проник в сущность XVI и XVII веков и почерпнул оттуда лучшие свои стимулы»²³, — пишет Элиель Вест. Здесь Дубинная война — воостание крестьян в Эстерботтене в XVI веке, вожаком которого был «крестьянский король» Арон Бертилия. И Тридцатилетняя война с одним из ее героев королем Густавом-Адольфом, и битва при Лютцене. И жизнь отдаленнейших уголков Финляндии, Германии, куда вступили шведско-финские войска. Наряду с фигурами подлинно историческими, королем Густавом-Адольфом и его полководцами, знаменитым ученым и философом Мессениусом, в романах выступают лица, скорее всего придуманные автором. Но выписаны они колоритно и романтично, в особенности внебрачный сын Густава-Адольфа и финской крестьянки Мэри Бертилия, Густав Бертельшёльд, прекрасная Регина фон Эммеритц, острые на язык старуха Дорте и жена Мессениуса, мудрая хозяйка Курсхольма, отец и сын Ларсоны, служанка Кэтхен и многие другие герои. Каждый из романов несет определенную смысловую нагрузку. Основная же идея этих произведений — «с одной стороны, противоположность между королем и народом, с другой — между народом и дворянством»²⁴. В первом романе — «Королевский перстень» рассказывается об основных событиях Тридцатилетней войны и даются туманные намеки о происхождении Густава Бертельшёльда. Во втором — «Меч и плуг» освещена непримиримая борьба между дворянским и крестьянским сословиями в лице получившего дворянское звание Густава Бертельшёльда и его приемного отца — Арона Бертилия. В третьем романе воспеваются союз и взаимодействие крестьянского сословия (воды) и дворянского (огня), представители которых молодой Ларсон и Густав Бертельшёльд: «вода охлаждает пыл огня».

Связующим звеном между романами и циклами книги «Рассказы фельдшера» служит легенда-сказка о королевском перстне, «лучшее» в этом произведении. Перстень «олицетворяет собой суеверия минувших времен». Тому, кто его носит, не страшны ни огонь, ни вода, ни стальной клинок, никакие опасности. Счастье, победы и любовь сопутствуют тому, кто носит этот перстень. Волшебную силу перстня уничтожает лишь клятвопреступление²⁵. Сказка о перстне, наряду с многочисленными приключениями героев романов, больше всего способствовала успеху книги «Рас-

²³ E. West. Zachris Topelius, c. 265.

²⁴ N. P. Topelius Zacharias, c. 534.

²⁵ Z. Topelius. Samlade skrifter. Attonde delen, Helsingfors, 1899, c. 345, 342; E. West. Zachris Topelius, c. 267.

сказы фельдшера». Яркая сказочность легенды, несколько потускневшая в последующих циклах, сделала романы первого цикла любимым чтением молодежи, точно так же, как сказки Топелиуса стали любимым чтением финских и шведских не только взрослых, но и детей. «В мозгу Сакриса Топелиуса было замкнутое помещение, святая сокровищница, где хранил он свою величайшую драгоценность, свой великий эпос, героическое произведение, которому суждено было обессмертить его имя...», — писала Сельма Лагерлёф о книге «Рассказы фельдшера», — В часы уединения, которые Сакрису удавалось выкроить для себя, он занимался историей перстня. Он доставал ее, он созерцал ее, он наслаждался ею, вновь и вновь пересказывая самому себе. И со все растущей уверенностью чувствовал, что, если ему удастся пересказать ее в таком виде, в каком она живет в его душе, она станет источником радости для всего его народа»²⁶.

Слова Лагерлёф справедливы и по отношению к сказкам Топелиуса, которые с детства жили в его сознании. С 1847 по 1852 гг. вышло 4 выпуска его сказок. Писатель не предназначал их специально ни для взрослых, ни для детей. Но их содержание и равно восторженный прием как взрослыми, так и детьми свидетельствуют об их очень широком возрастном диапазоне²⁷. Позднее, когда Топелиус включил все эти сказки в свое «Детское чтение», они получили более определенный адресат. Сказки эти поглощались с жадностью и имели, по словам критика С. Г. Эльмгрена, «громадный успех». «Утренняя газета», «Литературная газета» и многие другие писали, что сказки Топелиуса свидетельствуют о «поэтическом даре» и о «богатой фантазии» их автора, что они не страдают излишней морализацией. Эльмгрен видел особую заслугу писателя в том, что он не превратил эти «невинные рассказы» в проповеди тенденциозной морали. С 1865 по 1896 гг. вышло 8 сборников «Детского чтения», куда были включены 4 первых выпуска сказок, а также стихотворные и прозаические сказки, пьесы и стихотворения, опубликованные ранее Топелиусом в детских газетах «Эос» и «В честь тролля». О первом сборнике «Детское чтение» газеты писали, что это «Маленькая работа, которую бы мы предпочтительно желали рекомендовать родителям, жаждущим для своих детей наивного, фантастического и развлекательного рождественного чтения»²⁸. Сам Топелиус больше всего ценил высказывания детей, этих «опасных рецензен-

²⁶ S. Lagerlöf. Zachris Topelius, с. 302.

²⁷ Многие сказки были вскоре переведены на другие языки (в 1849 г. — финский, в 1869 г. — датский, в 1871 г. — норвежский, в 1875 г. — английский, в 1882 г. — русский, в 1885 г. — немецкий). Элиель Вест с похвалой отзывался о переводе сказок на русский язык, выполненном М. Благовещенской в 1905 г. «Примечателен, — пишет Вест, — тот живой интерес, который сказки поэта (Топелиуса — Л. Б.) пробудили прежде всего в России. Перевод 1882 г. вышел в новых изданиях в 1886 и в 1893 гг. ... Госпожа Благовещенская великолепно умеет передать все особенности оригинала ...» E. West. Zachris Topelius, с. 345.

²⁸ Там же, стр. 345—346.

тов», как он их называл. Многие мальчики и девочки из Финляндии и Швеции писали сказочнику письма, в которых просили его прислать свой портрет или сочинить для них стихотворение или даже целую книгу, так как им очень понравились его сказки.

Что же представляют собой сказки Топелиуса, почему они вызвали столь живой интерес современников и не устарели до сих пор? Всякий раз, когда речь заходит о сказке литературной, встает вопрос о том, как соотносится эта сказка со сказкой народной, под каким углом зрения она создана, какие испытала влияния и, главное, что в ней оригинального и самобытного, делающего ее неповторимой и единственной в своем роде. Топелиус несомненно связан со скандинавским и финским фольклором: отсюда и поэтичность его сказок. Причем связан сознательно. В стихотворном предисловии к первому выпуску сказок, которое называлось: «Предисловие для всех тех, кто любит сказки», писатель рассказал о «старенькой-престаренькой старушке, которая жила в маленькой-премаленькой избушке», и обещал воспроизвести в сказках все, что поведала ему в детстве старушка: «то, что помню, хочу я теперь рассказать»²⁹. А помнил он про горных троллей, хохочущих в недрах гор, воздушных эльфов, танцующих на лугах в лунном сиянии, лесных гномов, раскачивающихся на ветвях, нимф, поющих у родника, дракона, стерегущего сокровище, разбойничий горный замок великана, храбрых рыцарей и плененных дев. То есть Топелиус задумал включить в свои произведения волшебный мир европейской и скандинавской народной сказки. Писатель и в самом деле использовал многие сюжеты, мотивы и отдельные элементы этого фольклора, позволившие Е. Н. Тигерstedту заметить, что Сакариас Топелиус «возродил шведскую народную сказку»³⁰. В сказках «Домовой Абоского замка», «О великане», «Рождество тролля» воспроизводятся отдельные мотивы фольклора, народные поверия о великанах, троллях, эльфах, гномах, спящем дереве-великане. Добрые силы природы и волшебная дудочка помогают маленькому Кнуту из сказки «Кнут-музыкант». В сказке «Сампо-Лопаренок» на горе Расткайс собираются на праздник прощания с ночью страшный горный Король-великан и его подданные — волки и медведи, олени и горные крысы, тролли и гномы. Топелиус воспроизвел подводное королевство морского короля Ахти («Подарок морского короля») и царство повелителя малины («Малиновый червь»). Он рассказал о заколдованном корабле («Корабль Рефанут») и о похитителях света («Похитители света»). В цикле сказок («Острова-Пушинки», «Шкапулка красного дерева», «Малыш Лассе», «Принцесса Линдагуль») Топелиус воспел скандинавского бога снов, которого в Дании называют «Оле-Лукойе», а в Финляндии «Нукку-Матти». Но в отличие от своего

²⁹ Z. Topelius. Sagor. Första samlingen, c. 1—11.

³⁰ E. N. Tigerstedt. Svensk litteraturhistoria, c. 78, 80.

датского собрата, которого мир узнал благодаря Андерсену, Нукку-Матти более деятелен. Он спасает маленького Макса от гибели и помогает ему разбогатеть. Он заставляет путешествовать малыша Лассе и не дает умереть с голоду принцессе Линдагуль. Общескандинавские мотивы, в частности из сказок и преданий Асбьёрнсена («Мальчик в обмен на пачку табаку» и «Вороны Ут-Рёста»)³¹, отражены в сказках Топелиуса «Шка-тулка красного дерева» и «Острова-Пушинки», в которых прекрасные призрачные острова открываются лишь добрым, чистым душой и трудо-любивым, где счастье и богатство достаются только настоящим людям. В сказках Топелиуса ощущается также сильное влияние рун эпоса «Кале-вала»³², которые он слышал от рунопевцев времен детства. Так зажил новой жизнью и старый Вяйнямейнен, который скрывается под сводами Абоского замка и время от времени услаждает слух людей чудесными звуками музыки («Домовой Абоского замка»), и кузнец Ильмаринен, поющий чудесные руны («Ночь всех святых»), «один из знаменитейших героев песен и сказок финской древности, и потому-то святыня в памяти народной»³³.

Как и в рунах эпоса «Калевала», в сказках Топелиуса наряду с сюже-тами сказочными встречаются реалистические описания быта и обычаев народа. И потому сказки эти не производят впечатления обычных вол-шебных литературных сказок. Их мир — чаще всего действительность, где сказочное переплетается с реальным или является элементом буднич-ной жизни. Волшебные приключения Кнута происходят на фоне бедной жизни народа Финляндии. Простые смертные плывут на заколдованном корабле «Рефанут», попадают на призрачные острова-пушинки, на луну и в царство тролля, встречаются с Нукку-Матти, с героями эпоса «Ка-левала», с повелителем малины, со страшным горным королем. Старый вахмистр с детства дружит с домовым. В сборниках Топелиуса очень редки сказки, такие как «Принцесса Линдагуль» и «Домовой из Або-ского замка», герои которых непрерывно оказываются в различных фан-тастических ситуациях и сталкиваются с волшебными силами потусторон-него мира.

Приходится согласиться с Сельмой Лагерлёф, которая писала о Топе-лиусе: «В его выпусках сказок содержится совсем немного обычных вол-шебных сказок. Его герои не бродят по свету, убивая толпы людей, а хит-рецы не добиваются счастья и богатства. Как правило он рассказывает о приключениях обыкновенных маленьких финских мальчиков и дево-чек»³⁴.

³¹ Что всего дороже. Л., 1969; П. К. Асбьёрнсен. На восток от Солнца, на запад от Луны. Петрозаводск, 1972.

³² Калевала. Вступительная статья О. Куусинена. М., 1949.

³³ Z. Topelius. Sagor. Första samlingen, с. 117.

³⁴ S. Lagerlöf. Zachris Topelius, с. 310.

В сказке «Приключения Пекки», написанной стихами попеременно с прозаическими отрывками, рассказывается об обыкновенном мальчике-сироте Пекке, которого воспитали родственники. «Но вот в стране начался неурожай, родственники сами обеднели» и послали Пекку нищенствовать. Но Пекка не грустит и по дороге побеждает Голод в образе волка, Болезнь в образе медведя, Лень в образе быка, Измену в образе лисы и Судьбу в образе льва. Лев, покоренный мужеством и благородством Пекки, дает ему силы одолеть нужду. В этой сказке-аллегии лев говорит мальчику, что его страна богатеет «благодаря таким сынам»³⁵, как он. В сказке «Пикку-Матти» внук нищего торпаря сирота Пикку-Матти отказывается от богатства ради того, чтобы не расставаться с воспитавшими его бабушкой и дедушкой. И мальчику предсказывают, что, когда он вырастет, то станет «честным и верным сыном своего отечества»³⁶. Герои восточной сказки «Мирза и Мириам» (вариант истории короля Лира) жертвуют собой ради спасения отца. Брат и сестра из поэтической сказки «Березка и звезда», которых война забросила в чужую страну, отказываются от сытной и благополучной жизни и возвращаются домой. Простые дети попадают в сказках Топелиуса в чудесный сказочный мир, в котором сохраняют присущее им самообладание, спокойствие и трезвое отношение к жизни. Совершенно реалистична сказка, вернее даже рассказ «Старик-бедняк», где нет ни единой крупинки волшебства и фантастики.

Демократизм Топелиуса, его сочувствие бедным и угнетенным, сочетание сказочного с действительным, вплетение фантастических снов в действительность («Подарок морского короля», «Малыш Лассе», «Випплюсти и старик с луны», «Ночь всех святых»), а порой полное отсутствие фантастики и перерастание сказки в новеллу, в бытовую повесть или рассказ сближают этого писателя с Андерсеном. К нему в плане литературных традиций финляндский сказочник тяготеет больше всего. Топелиус был младшим современником великого датского сказочника, но они ни разу не встречались. В 1856 году финляндский писатель побывал в Копенгагене и друзья повели его к Андерсену, но «к моему огорчению, — писал Топелиус, — он уехал и мне никогда не пришлось увидеться с ним, а лишь принять написанное его рукой дружеское посвящение книги «Новые сказки»³⁷. Однако Топелиус несомненно испытал большое влияние Андерсена (его более позднего сказочного творчества) в плане идейном и художественном. Множество сказок финляндского писателя носят подчеркнуто гуманистический характер. В таких его произведениях, как «Солнечный луч в ноябре» и «Зимняя сказка», проводится свойственная этому сказочнику мысль: природа на стороне смелых и добрых людей,

³⁵ Z. Topelius. Sagor. För de tusen hem. Helsingfors, 1902, c. 6, 8.

³⁶ Z. Topelius. Sagor. Fjerde samlingen, c. 65.

³⁷ Z. Topelius. Självbiografiska anteckningar, c. 178.

ее силы с ними заодно. И еще: если удалось утешить или развеселить кого-нибудь, удалось солнцем осветить жизнь людей — значит, можно считать, что сделал хорошее дело. Сказки подобного рода несомненно навеяны Андерсеном («Пятеро в одном стручке»), хотя слабее его произведений в художественном отношении и более сентиментальны. Как и датский сказочник, Топелиус одушевляет явления природы, заставляет жить человеческой жизнью солнечный луч и сосны, а ветер рассказывать сказку о церковном петухе³⁸. Характерна в этом плане поэтическая сказка «Тинг цветов». Описание природы и ее взаимосвязей с человеком особенно сближает финляндского сказочника с датским. Сравнивая творчество Андерсена с творчеством Топелиуса, Астрид Линдгрэн пишет: «Датский ландшафт и жители Дании живут во всех сказках Андерсена точно так же, как финский ландшафт и жители Финляндии в сказках Сакариаса Топелиуса»³⁹. Природа, ее детища прекраснее всех драгоценных камней, утверждает Топелиус в сказке «Ласточка из Египта», в которой чувствуются реминисценции из андерсеновских сказок «Дюймовочка» и «Бузинная матушка»⁴⁰. «Великие планы березки» — аллегорическая сказка финляндского писателя о судьбе дерева, мечтавшего о великой и славной судьбе, перекликается со сказкой Андерсена «Ель». Но трагизм и безысходность датского сказочника сменяются здесь некоей надеждой. Нельзя падать духом, даже если ты превратился в ненужный веник, как бы говорит Топелиус. Из единственной почки, сохранившейся на одной из веток веника, вырастает новая прекрасная березка, которая попадает в королевский сад⁴¹. Как и Андерсен, Топелиус одушевляет вещи и предметы. Его сказки «Старая лачуга» и «Парижская шляпа» по духу совершенно андерсеновские. Развалины старой лачуги, как и старый дом у Андерсена — свидетели жизни разных поколений. А парижская шляпа, высокомерная и гордая, переживает всевозможные приключения, возносится и падает, и это сразу вызывает в памяти сказки Андерсена «Воротничок», «Штопальная игла» и «Парочка». Введение элементов современности в сказку (рассказ студентов о королевстве Ахти в сказке «Подарок морского короля», описание школьной жизни в сказке «Дважды два четыре»), упоминание собственных произведений в сказках («Ласточка из Египта», «Малыш Лассе», «Рождественский козел», «Воздушный замок»), создание циклов сказок (цикл о Нукку-Матти, о Сампо-Лопаренке), вмешательство рассказчика в повествование и непосредственное обращение

³⁸ Эта сказка по своей художественной манере очень близка сказке Андерсена «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях». Но так как она написана значительно позднее, чем сказка Топелиуса, то можно предположить, что в данном случае Андерсен испытал воздействие со стороны финляндского сказочника. Однако прямых указаний на это нет.

³⁹ А. Линдгрэн. Письмо к Л. Брауде (май 1969), с. 1.

⁴⁰ Z. Topelius. Sagor och berättelser i urval. Helsingfors, 1907, с. 122—130.

⁴¹ Там же, с. 117—122.

к читателю, сочетание естественных свойств растений, птиц и предметов с приписываемыми им человеческими чертами — все это роднит Топелиуса с Андерсеном. Сближает этих писателей и их романтический настрой, любовь к фольклору и к миру детей. Работа над сказками научила Топелиуса, по словам Сельмы Лагерлёф, «говорить просто и откровенно. Совершенно очевидно, что он выпустил в свет свои сказки, дабы научить малышей делать мир приятным, прекрасным и милосердным»⁴².

Однако сказки Топелиуса значительно отличаются от сказок Андерсена. В них, как и у датского сказочника, всегда есть поэтическое ядро, связанное с фольклором, но нет андерсеновского юмора и его мудрости. Финляндский писатель не переделывал, кроме того, как датский фольклорные сюжеты целиком. Он брал лишь отдельные мотивы, образы и вплетал их в свое повествование. Отличается от андерсеновского и фольклорный материал, использованный Топелиусом, который широко привлекал руны эпоса «Калевала». Некоторые из сказок финляндского писателя отмечены религиозным духом⁴³, неизмеримо более сильным, нежели отдельные, наиболее слабые произведения Андерсена. Это последнее обстоятельство, возможно, и позволило Е. Н. Тигерstedту назвать Топелиуса наивным и малоинтеллектуальным сказочником⁴⁴. Хотя в этом высказывании и содержится известная доля справедливости, особенно в плане наивности, но стоит разобраться в сущности сказочного творчества финляндского писателя. Ведь он, безусловно, является автором своеобразных произведений, создателем оригинального литературного стиля. «Сказки Топелиуса, — как пишет один из его современных биографов, — несомненно инспирированы Х. К. Андерсеном, но Топелиус создал свой собственный стиль, более наивный, непосредственный и лишенный рефлексии, нежели у его датского образца»⁴⁵.

Основной особенностью сказок Топелиуса является то, что они содержат в большой степени элементы нравовучения, назидания и познавательности. Конечно, черты поучения и познавательности были свойственны в какой-то мере и Андерсену (с одной стороны — «Красные башмаки», «Девочка, наступившая на хлеб», с другой — «Лен», «Картофель» и т. д.). Разумеется, это явление характерно лишь для сказок, предназначенных детям, т. к. в сказках для взрослых оно теряет свой смысл.

⁴² S. Lagerlöf. Zachris Topelius, с. 310.

⁴³ В предисловии к своим сказкам Топелиус, наряду с фольклорными героями, обещал вывести божьих ангелов и богобоязненных людей, т. е. персонажей, которых под-сказывали ему его религиозность и христианское вероисповедание. Он сдержал слово и действительно вывел ангелов и одержимых любовью к богу и небесам людей в религиозных сказках «Рождественский козел», «Следы в горах», «Церковные колокола». Религиозность отмечены даже многие лучшие и самые поэтические сказки Топелиуса, такие, как «Березка», «Звезда», «Шкатулка красного дерева».

⁴⁴ E. N. Tigerstedt. Svensk litteraturhistoria, с. 80.

⁴⁵ N. P. Topelius Zacharias, с. 534.

У Топелиуса элементы нравоведения и познавательности связаны с общими взглядами этого сказочника на просветительскую, полезную роль литературы и книги. «Самая жалкая книга может содержать нравоведение»⁴⁶, — пишет Топелиус. Он постоянно внушает читателям высокие и благородные чувства — любовь к родителям и бережное отношение к старикам, преклонение перед поэзией и сказкой («Шкатулка красного дерева», «Пикку-Матти», «Воздушный замок»), доброту и снисхождение к слабым («Малиновый червь»), альтруизм («Рождество тролля»). Он учит их презирать высокомерие и жадность. И хотя финляндско-шведская критика неоднократно подчеркивала как положительный фактор то, что сказки Топелиуса не страдают излишней морализацией и что писатель не превратил их в проповеди тенденциозной морали, элемент нравоведения в них есть. Но дается оно в сказочной форме, которая наиболее доступна читателю-ребенку и скорее всего проникает в его сознание, в его особый мир. Как это происходит, убедительно показал А. П. Чехов. В рассказе «Дома» великий русский писатель силой искусства изобразил различие мира взрослого и ребенка, различие взрослой и детской психологии. До семилетнего ребенка не доходят слова упрека и нравоведения, которое читает ему отец-прокурор, узнавший, что мальчик курит. Ребенок не понимает, почему вредно для здоровья курить и почему плохо брать табак в столе отца. Он не знает, что такое «здоровье» и что такое «чужое», и охотно предлагает отцу взять его игрушки и картинки. «У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и не важно. Чтобы овладеть его сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, но нужно также уметь и мыслить на его манер...»⁴⁷, — думает прокурор. И только бесхитростная сказка о царевиче, который от курения заболел чахоткой и умер двадцати лет, подействовала на ребенка. Глаза его подернулись печалью, и упавшим голосом он обещал больше не курить. «Скажут, что тут подействовала красота художественной формы», — размышляет прокурор, задавая себе вопрос: «Почему мораль и истина должны подноситься не в сыром виде, а с примесями, непременно в обсахаренном и позолоченном виде, как пилюли? Это ненормально...»⁴⁸. В первом случае прокурор прав, понимая, что у ребенка свой «мирок», в который можно проникнуть, лишь умея мыслить на детский манер. Во втором случае он не учитывает, каким средством проникновения в детскую душу и раскрытия ребенку истины и морали является художественный вымысел, облеченный в форму сказки. Хотя, сам того не зная, владеет этим средством.

⁴⁶ Z. Topelius. Blad ur min tänkebok. Helsingfors, 1898, с. 173.

⁴⁷ А. П. Чехов. Собрание сочинений. Том пятый. М., 1955, с. 107.

⁴⁸ Там же, с. 111.

Прекрасно владеет этим средством и Топелиус, о котором Линдгрэн пишет: «говорит он так, что его поймет каждый ребенок»⁴⁹. В сказке «Шкатулка красного дерева» прославляются трудолюбие, честность и благородство. Но только интереснейшая сказка о том, как сирота Макс попал на Острова-Пушинки, где встретился с Нукку-Матти, вознаградившим его за все страдания, поможет усвоить все эти истины. Приобщиться к миру поэзии и сказки, увидеть прекрасные воздушные замки могут только те, у кого «доброе, невинное сердце»⁵⁰, — утверждает Топелиус в сказке «Воздушный замок». Но иллюстрирует он это положение увлекательной историей о трех детях, которые стали писателем, художником и певицей. В сказке «Церковный петух» мысль проста и выделена в тексте жирным шрифтом. «Высокомерие обречено на падение», а высокомерные «всегда кончают плохо»⁵¹. Но если бы ребенку произнесли эти слова, даже подделываясь под его язык, они вряд ли произвели бы на него впечатление, — скорее даже не дошли бы до него. Но когда Топелиус ярко и образно рассказывает о приключениях флюгерного петуха, вознесенного на высокую колокольню, это захватывает внимание ребенка. Только потому, что петух стоит выше всех, он считает, что он лучше и умнее всех. Он жестоко наказан за высокомерие, когда превращен в огородное пугало.

В сказке «Подарок морского короля», которая перекликается с пушкинской «Сказкой о золотой рыбке», смысл и мораль ясны. Они у финляндского сказочника те же, что и у великого русского поэта. Майя-Лососиха наказана за жадность, непомерные требования и желания, но это не просто констатируется, а рассказывается образно и убедительно. Поэтично и сказочно описание королевства морского короля Ахти, который исполняет все прихоти Майи. Возмущенный, однако, тем, что неблагодарная женщина швыряет в него камнями, Ахти говорит ей: «Я проучу тебя!» После чего от всего богатства Майи-Лососихи и ее мужа Матте-Лососи не осталось и следа. Ребенок несомненно запомнит и облик самого Ахти «с длинной бородой»⁵², и всю историю, рассказанную, как сон Майи-Лососихи.

Но Топелиус не только поучает, но и учит. Элемент познавательности тесно связан в его сказках с игрой и перевоплощением. Игра развивает воображение и фантазию. В этом плане характерна сказка «Следы в горах», где мальчики самозабвенно изображают то турок, то язычников, то разбойников. Одетый в дедушкин мундир Пикку-Матти чувствует себя настоящим солдатом, готовым сражаться за родину. В сказке «Малыш Лассе» воображение ребенка превращает гороховые стручки в корабли,

⁴⁹ А. Линдгрэн. Письмо к Л. Брауде (май 1968), с. 1.

⁵⁰ Z. Topelius, Sagor. Fjerde samlingen, с. 113.

⁵¹ Ibid., Första samlingen, с. 1, 2.

⁵² Z. Topelius. Sagor. För de tusen hem. с. 19, 17.

плывущие в заморские страны. Топелиус развивает в малыше жажду знания, желание путешествовать и многое увидеть, но всегда «радостно возвращаться домой»⁵³.

Умение Топелиуса серьезно и содержательно разговаривать с детьми, сообщая им различные знания в форме сказки, ярко проявляется именно тогда, когда писатель беседует с ними о родине. Патриотическая тема была особенно близка сказочнику, творившему в период пробуждения национального самосознания в Финляндии. Можно сказать, что весь социальный пафос Топелиуса воплотился в патриотизме, которым проникнуты многие его сказки. Отечество, по словам сказочника, «заклучает в себе все, что драгоценно и дорого мне на земле — прошлое, настоящее и будущее, награду за мой труд, заботу о моей любви, ближайшую цель моей жизни. Скажи, стоит ли умереть ради этой страны? Да, но и жить ради нее тоже стоит»⁵⁴. Однако высокая идея любви к родине, как бы возвышенна и благородна она ни была, в ее обнаженном виде может быть непонятна детям. И Топелиус облачает ее в волшебные одежды в сказках «Наша страна» и «Как бог создал Финляндию». В первой он прославляет родину, ее величие и красоту. Но Финляндию олицетворяет в сказке женщина-мать, то есть существо, наиболее понятное и близкое ребенку. Мать дарит детям «одежду и пищу, колыбель тем, кто мал, хижину тем, кто вырос, и могилу тем, кто ушел из жизни». Она поет детям песни у колыбели, направляет их первые шаги и учит полезным ремеслам. Но за это, когда дети окрепнут, они должны любить свою мать так, как она любила их. «Ваша мать бедна, — говорит женщина детям, — а вы должны сделать ее богатой. Она печальна, а вы должны сделать ее веселой. Она мерзнет, а вы должны согреть ее; она живет во мраке, а вы должны зажечь в ее окошке яркую сияющую свечу»⁵⁵. Дети, как замороженные слушающие или читающие эту сказку, клянутся, как и дети из этой сказки, любить и почитать свою родину, чтобы она могла сказать о них: «они были мне хорошими детьми, они любили свое отечество!»⁵⁶

Сказка «Как бог создал Финляндию» близка к пособию Топелиуса для школьников «Книга о нашей стране». Здесь повествуется в сказочной форме о родине, о ее прекрасной своеобразной природе, о жителях Финляндии, которые мирно обрабатывают землю. Топелиус объясняет ребенку, что страна его растет и расцветает благодаря любви своих сыновей, как бы малы и бессильны они ни были... «Если мы подсчитаем все, что может по своей доброй воле сотворить множество слабых рук, то доход получится — великий»⁵⁷. В этой сказке, как и во многих других произве-

⁵³ Z. Topelius. Sagor och berättelser i urval. I, c. 8.

⁵⁴ Z. Topelius. Blad ur min tänkebok, c. 117.

⁵⁵ Z. Topelius. Sagor. För de tusen hem, c. 3.

⁵⁶ Ibid., c. 5.

⁵⁷ Ibid., c. 25.

дениях писателя, прекрасно обрисована природа Финляндии, так что становятся ясны слова Линдгрена, сказанные ею о Топелиусе: «Его понимание природы пронизывает все, что он пишет»⁵⁸. Зарисовки природы у Топелиуса всегда поэтичны и вместе с тем глубоко реальные. Они характерны для стиля этого сказочника, они проникнуты глубоким чувством. И потому как верны слова Лагерлёф о Топелиусе: «Он сохранил сказочный стиль во всей его прекрасной простоте, присовокупив к нему лишь свои собственные, присущие ему теплоту и сердечность»⁵⁹.

Ленинград, Июль, 1973

SAKARIJAS TOPELIJUS IR JO PASAKOS

Liudmila BRAUDE

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjamos Suomijos švedų rašytojo Sakarijo Topelijaus pasakos, į kurias iki šiol tarybiniai tyrinėtojai nebuvo atkreipę dėmesio.

S. Topelijaus pasakos yra išverstos į 20 kalbų ir jau seniai įėjusios į pasaulinę literatūrą.

Straipsnyje atskleidžiamas Suomijos švedų aplinkos, kuri supo Topelijų ir veikė jo kūrybą, savitumas. Gvildenamas pasakų ryšys su skandinavų ir suomių folkloru, ypač su „Kalevalos“ epu, bandoma parodyti tų pasakų specifiką: kaip tradiciniai motyvai ir personažai derinami su poetišku Suomijos gamtovaizdžiu ir realia buitimi.

Topelijaus pasakos lyginamos su Anderseno kūryba, iškeliamas jų humanizmas ir demokratiškumas, jų auklėjamasis ir kartais didaktinis pobūdis. Taip pat nagrinėjamos Topelijaus stiliaus ypatybės.

SAKARIAS TOPELIUS ET SES CONTES

Ludmila BRAUDE

Résumé

C'est la première étude en russe des contes traduits en vingt langues et qui sont entrés depuis longtemps dans la littérature mondiale. Cet article est consacré à l'analyse des contes du grand écrivain finno-suédois Sakarias Topélius dont le nom n'avait pas attiré jusqu'à présent l'attention des chercheurs soviétiques. On y met en évidence les particularités du milieu finno-suédois où avait vécu Topélius, sa carrière d'écrivain, les liens qui attachent ses contes au folklore scandinave et finnois (en particulier, à la poésie épique de „Kalevala“); on tâche de démontrer l'originalité de ces contes reliant les motifs et les personnages traditionnels à l'image poétique de la nature finnoise et des détails particuliers de la vie quotidienne.

En soulignant le rapport qui existe entre les contes de Topélius et ceux d'Andersen l'auteur fait noter leur humanisme et démocratismes communs, le caractère éducatif et même un peu didactique des contes de Topélius, l'absence de l'humour propre à Andersen, et les particularités du style de cet écrivain finno-suédois.

16.IV.72

⁵⁸ А. Линдгрэн. Письмо к Л. Брауде (май 1968), с. 1.

⁵⁹ S. Lagerlöf. Zachris Topelius, с. 317.